

Свободнее и счастливее нас?

Говоря о новом поколении, о его ценностях и целях, смыслах и настроениях, пристрастиях и тревогах, нельзя прежде всего не задуматься: какова сегодня молодёжь? В какой мере можно говорить о ней как о целом? Что её волнует, как устроены её жизнь и мировосприятие? И вечный вопрос, которым, видимо, задаётся каждое поколение, достигая известного возраста: будут ли эти молодые, идущие за нами, — свободнее и счастливее нас?

Сегодняшние сорокалетние — это люди, родившиеся в 1970-е годы и вступившие во взрослую жизнь в 1990–2000-е. А 18–25-летние родились в те самые девяностые—«нулевые» и начинают свою взрослую жизнь только сейчас. На взгляд демографа, существуют неоспоримые различия между этими группами поколений в том, как они строят свою семейную, а значит, и общественную биографию. Но при всех различиях у них есть и общее, то, что отличает и тех и других от поколений-предшественников.

Речь идёт прежде всего о сходстве и различиях индивидуальных демографических стратегий, а они, хочешь не хочешь, в очень большой степени определяют общую жизненную стратегию человека. Обретение, возможно, неоднократное, спутника жизни, рождение детей — этапные демографические события каждой индивидуальной биографии. Прохождение этих этапов — одновременно и необходимая цель жизни человека, и немалое ограничение для других его целей. Молодые россияне, осваивающие социальное пространство первых десятилетий нового века, если не осознали до конца, то почувствовали открывшиеся возможности ослабить эти ограничения, а потому и строить свои жизненные стратегии иначе, чем прежде.

Ещё недавно казалось, что в современных условиях разумная стратегия формирования семьи предполагает относительно раннее вступление в брак и рождение детей, с тем чтобы, выполнив свой «демографический долг», успеть пожить в своё удовольствие — заняться любимым делом, отдаться решению творческих задач, попутешествовать по миру и так далее. Брак и рождаемость во всех странах, включая и Россию, молодели. Характеризуя эти стратегии, в моей книге, вышедшей в 1976 году, я утверждал, что переход к регулируемой рождаемости в развитых странах сопровождался распространением контроля родителей над «календарём» рождений и что на практике этот контроль был использован для «сокращения периода репродуктивной деятельности за счёт более раннего её завершения». Но как раз к тому времени, когда моя книга увидела свет, это утверждение перестало быть верным.

В середине семидесятых, как по мановению волшебной палочки, снижение возраста вступления в брак и рождения детей прекратилось, и во всех развитых странах началось стихийное и массовое движение в противоположном направлении. Новые поколения родителей стали всё больше осознавать преимущества другого варианта сокращения периода репродуктивной деятельности: не за счёт более раннего её завершения, а за счёт более позднего её начала. Эта новая стратегия формирования семьи укреплялась, и теперь в

большинстве западных стран и женщины, и мужчины вступают в брак и заводят первых детей намного позже, чем прежде.

К концу восьмидесятых годов поворот к новой индивидуальной демографической стратегии со всеми его последствиями был осознан как самостоятельный исторический феномен, который бельгийский демограф Лестеэг и голландский демограф ван де Каа назвали «вторым демографическим переходом». Но тогда этот переход казался исключительно западным выбором. Россия не замечала перемен, происходивших у её европейских соседей, и как ни в чём не бывало продолжала двигаться по прежнему пути снижения возраста вступления в первый брак и рождения первого ребёнка — до тех пор, пока на российской исторической сцене не появились миллениалы. Именно они начали тот поворот, от которого Россия уклонилась в своё время, демографические стратегии людей, их «демографический календарь» стали быстро меняться. И как бы ни отличались нынешние 18–25-летние от нынешних сорокалетних, в своих демографических стратегиях они продолжают движение по пути, проложенному миллениалами, и никогда не вернуться к демографическому опыту своих предшественников.

Сравним Россию, скажем, с Францией. В 1960 году средний возраст женщины при вступлении в первый брак был выше в России: 24,7 года против 23 лет во Франции. К середине семидесятых этот возраст в обеих странах снижается и практически уравнивается: в России — 22,7 года, во Франции — 22,6; обе страны движутся в одном направлении, но Франция — быстрее. А уже двадцать лет спустя, в 1995 году, средний возраст француженки при вступлении в первый брак чуть не на пять лет выше — 27,2 года, тогда как российские невесты продолжают безмятежно молодеть, в 1995 году их средний возраст — 22 года. И только с приходом миллениалов средний возраст невест при вступлении в первый брак начинает быстро увеличиваться, в 2016 году — 25,3 года (правда, во Франции теперь это 31 год). Разумеется, и российские мужчины идут тем же путём: средний возраст жениха в 1995 году — 24,2, а в 2016-м — 27,8 года. Россия уверенно идёт по пути «второго демографического перехода».

Можно долго обсуждать плюсы и минусы казавшегося неожиданным поворота, но нельзя оспорить то, что и на Западе, и в России он стал результатом спонтанного свободного выбора сотен миллионов людей, оценивших достоинства нового «жизненного расписания» выше его недостатков. Смысл новой стратегии заключался в том, что она позволяла «пожить в своё удовольствие», не откладывая это на потом. Новый жизненный календарь не мешает ни обзавестись, в конечном счёте, семьёй, ни родить и вырастить детей — ведь люди стали жить намного дольше и контролировать свою рождаемость намного лучше, чем прежде.

Да и «жизнь в своё удовольствие» теперь приобрела иной смысл, это выражение ещё больше, чем прежде, стало всего лишь фигурой речи. Разумеется, использование удлинившегося периода молодости включает немалую гедонистическую составляющую, «удовольствие» в прямом смысле слова. Но так ли это плохо, и это ли главное? Важнее то, что расширились

условия получения образования, возможности накопления разностороннего социального опыта, во многих случаях — материального достатка. Высвободившиеся годы стали «годами учения» в широком смысле, годами проб и ошибок, поисков себя, творческого и карьерного роста. Семейную жизнь начинают теперь более зрелые, подготовленные люди.

Все последствия тихого переворота в демографическом, а потому и во всём жизненном календаре нелегко оценить, но их трудно переоценить. Было бы наивно думать, что новый календарь не порождает и новых проблем, даже и бытовых, главное же — экзистенциальных. Он небывало расширяет свободу индивидуального выбора и перевыбора, но тем самым утяжеляет и их бремя. Не согнутся ли нынешние двадцатилетние под этим бременем? Не сломаются ли?